

На правах рукописи

Надеина Луиза Васильевна

**СЕМАНТИКА ДВИЖЕНИЯ В ОТРАЖЕНИИ РУССКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ДИАЛЕКТНОЙ МЕТАФОРЫ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2007

Работа выполнена на кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Резанова Зоя Ивановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Халина Наталья Васильевна

кандидат филологических наук
Нагель Ольга Васильевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»

Защита состоится 09 марта 2007 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Автореферат разослан 08 февраля 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета:

кандидат филологических наук,
профессор _____

Л.А. Захарова

Реферируемая работа посвящена исследованию метафорической интерпретации семантики движения в русских народных говорах.

Актуальность исследования:

В настоящее время активизировался интерес к исследованию глаголов движения в рамках активно развиваемого научного направления – когнитивистики (L. Talmy, В.А. Плуноян, Т.А. Рахилина, А. Зализняк, Б. Тошович, Е.В. Падучева, Т. Анштатт и др.). Изучается семантическая структура глаголов данной группы в аспекте отражения в ней процессов миромоделирующей деятельности языкового сознания, исследуется место языковых отражений динамического мира в интегральной когнитивной модели мира. В рамках общей проблематики данного направления мировой лингвистики формулируются теоретические исследовательские проблемы данной работы, определяя ее **актуальность**.

В последнее время отмечается усиление научного интереса к метафоре как механизму смыслообразования. Когнитивистика рассматривает метафору в качестве основной ментальной операции, способа познания, структурирования, оценки и объяснения мира.

Исследование диалектной метафоры становится все более актуальным, поскольку связано с тем направлением в лингвистике, которое описывает картину мира, отраженную в языковых системах. Изучение процессов и результатов этноязыкового миромоделирования свидетельствует о том, что этническая языковая картина мира не является единой, что она пребывает в вариантах, обусловленных существованием субкультур в национальном единстве. А.Д. Шмелев, рассматривая некоторые концепты морально-этического плана, пишет о том, что различия внутри одного этнического сообщества могут быть большими, чем между разными языками. То, что диалектная картина мира – это особая картина мира, доказывается и тем количеством исследований последних десятилетий, в которых диалекты рассматриваются в разных аспектах (Т.Б. Банкова, Т.В. Бахвалова, О.И. Блинова, А.Н. Борисова, В.Е. Гольдин, Л.Г. Гынгазова, Т.А. Демешкина, Л.И. Ермоленкина, Е.В. Иванцова, Г.В. Калиткина, Е.В. Колосько Н.А. Лукьянова, З.И. Резанова, Е.А. Юрина и мн. др.).

В современной лингвистике наметился новый виток интереса к диалектным исследованиям, которые также вписываются в новую научную парадигму именно в рамках лингво-когнитивных, культурологических исследований своеобразия языкового воплощения архаической культуры. Современное языкознание актуализирует проблему вариантов этнической языковой картины мира.

Актуализация аспекта своеобразия процессов и результатов миромоделирования в народной языковой культуре предопределяет интерес к дифференциальной части лексических систем, фиксирующих прежде всего моменты своеобразия по отношению к другим формам национального языка. В работе моделируется фрагмент языковой картины мира, воплощенный в составе собственно диалектной части лексикона, отраженного в корпусе дифференциальных словарей.

Объектом данного исследования является дифференциальная часть русской диалектной метафорической лексики, в исходном значении имеющая сему «движение».

Предмет исследования – образная интерпретация семантики движения в русских народных говорах.

Цель работы заключается в выявлении способов метафорического моделирования семантики движения в русской диалектной лексической метафоре.

Для достижения цели предполагается решить следующие **задачи**:

1. Определить корпус диалектной глагольной метафорической лексики со значением «движение» в ее дифференциальной части.
2. Охарактеризовать компоненты семантики глаголов движения (состав, место в структуре), определяющие направленность образной интерпретации категории движения в русских народных говорах.
3. Обозначить семантические сферы, формируемые в диалектной языковой картине мира на основе образного переосмысления семантики движения.
4. Описать типы метафорических моделей, формирующихся на основе образного осмысления категории движения, отраженных в диалектной лексической системе.
5. Выявить типы аксиологической направленности метафорических образов движения в русских народных говорах.

Материалом для исследования послужила диалектная глагольная лексика, имеющая в исходном значении сему «движение» и содержащая метафорический перенос. Материал был собран путем сплошной выборки из словарей русских народных говоров (всего 27 источников). Проанализировано 1060 лексических метафорических единиц. Весь объем проанализированного материала оформлен в виде таблицы и представлен в Приложении.

Границы материала определялись в соответствии со следующим принципом: рассматривались лишь те лексические единицы, в прямом номинативном (исходном – далее **ИЗ**) значении которых сема движения является ядерной (например: **вздыматься ИЗ** «идти, поднимаясь вверх», **огребаться ИЗ** «плыть, сильно взмахивая руками», **лететь ИЗ** «летя, удалиться куда-либо», **гнаться** «течь, двигаться»). За границей материала остались такие диалектные наименования, в значении которых семы движения не входят в состав интегральных или дифференциальных (*писать, рисовать*), а также лексемы, репрезентирующие движение на молекулярном уровне, не фиксируемое в «наивной» картине мира (*испаряться, кипеть*).

Нуждается в комментировании принцип дифференциальности в отборе материала. В качестве базовых в работе исследовались метафорические переносы, реализующиеся как собственно диалектные, т.е. такие метафоры, которые создаются как образное переосмысление собственно диалектных номинаций разных типов движения (**уплавить: ИЗ** «унести течением» (Я на вышку ярицу таскала, а лодку уплавило) → **РЗ** «продать» (Так они уплавили

дом новый, продали) (Приамур.); **брандахлыстить: ИЗ** «гулять, ходить без дела» → **РЗ** «сплетничать» (Пск.).

Однако в ряде случаев в анализ включались и общерусские ЛСВ исследуемых единиц как дополнительный материал анализа. Так, например, при интерпретации семантического механизма образного моделирования в метафорах типа **подлезть: ИЗ** «нырнуть» при наличии собственно диалектного значения, которое может быть рассмотрено в системе семантических оснований метафорического переноса, мы обращаемся к общерусскому значению **подлезть** «залезть подо что-нибудь», также входящего в систему семантических мотиваций.

Научная новизна данного диссертационного исследования состоит в том, что:

1. Впервые на диалектном материале семантика движения, представленная в глагольном лексическом корпусе, проинтерпретирована как основа создания системы метафорических образов.
2. Впервые на основе анализа диалектных глаголов движения выявлены закономерности актуализации определенных когнитивных сфер, репрезентирующих различные аспекты ситуации движения-перемещения в физическом пространстве в процессах образного осмысления разных сфер деятельности и отраженных в системе метафорических номинаций. На основе анализа обширного языкового материала показана значимость ориентационных параметров движения, их связь с архетипическими семиотическими противопоставлениями «верх-низ», «свой-чужой», «близкий-далекий».
3. Выявлена аксиологическая направленность метафорического моделирования движения, а также определен характер корреляций дескриптивного и оценочного аспектов метафорических номинаций, созданных на основе образного переосмысления семантики движения в лексических системах русских народных говоров.

Работа формировалась на основе идеи принципиального совмещения **методов** структурного анализа семантики глагола и методов когнитивного моделирования.

Методика структурного анализа семантики глаголов, разработанная в классических работах Ю.Д. Апресяна, Л. Теньера, Л.Г. Бабенко, Э.В. Кузнецовой, Л.М. Васильева, В.Л. Ибрагимовой, Т.А. Кильдибековой, А.М. Хамидуллиной и других исследователей, предполагает использование в качестве базовых приемов компонентного и дистрибутивного анализа исходного и мотивированного (производного) значений. Компонентный анализ проводится на основе оппозитивного сравнения прямого номинативного и метафорического значений. Анализ типовых контекстных окружений (дистрибутивный анализ) направлен на выявление сфер номинативной и образной направленности анализируемых ЛСВ глаголов движения, уточнение результатов компонентного анализа.

Результаты, полученные в ходе использования приемов структурно-семантического анализа, в дальнейшем служат материалом лингво-

когнитивного моделирования характера и способов образной интерпретации фрагмента мира – сферы физического перемещения предметов в пространстве – в языковой картине мира представителей русской народной культуры, зафиксированной в системе лексических метафорических номинаций в русских народных говорах.

В работе в результате анализа выстраивается система метафорических моделей, отражающих особенности восприятия движения в исследуемой форме национального языка. Под **метафорической моделью** нами понимается наиболее общий тип отношения исходной понятийной области (сферы-источника) и сферы-мишени, представленный в системе языковых номинаций, характеризующихся общностью направления метафорического переноса. Метафорическая модель может быть реализована в ряде частных подмоделей. Варьирование модели определяется дополнительными смысловыми акцентами исходного значения, а также дифференциацией сфер, получающих метафорическую интерпретацию понятийных сфер (социальной, физиологической, психологической и т.д.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ совокупности метафорических переносов, созданных на базе единиц, обозначающих пространственное перемещение предметов, позволяет выявить образный компонент семантики движения единиц данной лексико-семантической группы.
2. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира, сформированный на основе семантики движения, может быть проинтерпретирован как когнитивная модель восприятия движения в сознании диалектоносителей.
3. Исследование метафорической модели позволяет сделать вывод, что на образное восприятие движения могут оказывать влияние следующие параметры ситуации движения: 1) направление движения (вверх, вниз, вперед, назад, по замкнутой кривой, из стороны в сторону), 2) среда (воздух, земля, вода), 3) характер движения (поступательное, вращательное, колебательное), 4) скорость (большая, малая), 5) способ перемещения (пешком, бегом, ползком, волоком), 6) каузация, 7) тип субъекта.
4. В диалектных лексических системах семантика движения является основой образного и номинативного осознания и именованя основных сфер существования человека: социальной, физической, темпоральной, психологической, интеллектуальной.
5. Метафорические образы различных типов движения имеют аксиологическую направленность. На оценку восприятия движения наибольшее влияние оказывают ориентационные параметры ситуации перемещения и характер среды, в которой протекает передвижение предметов.

Теоретическая значимость исследования.

В данном исследовании значимым в теоретическом плане является раскрытие специфики семантики движения в физическом пространстве и отражение ее оригинального проявления в системе метафорического

миромоделирования. Результаты анализа способов концептуализации мира, воплощенных в русских диалектных глаголах движения, выявление системной связи поля движения с полем оценки ставят данную работу в ряд других исследований из области современной когнитивной лингвистики.

Практическая значимость исследования.

Материалы данной работы могут быть применены при разработке и чтении курсов по диалектологии и лексикологии современного русского языка, спецкурсов по метафорологии. Также результаты исследования могут быть использованы в курсах по этнолингвистике и лингвокультурологии.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы были представлены на конференциях: V Всероссийская конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» (2004, Томск), IV Всероссийская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (2004, Томск), II Всероссийская научная конференция, посвященная памяти доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ И.А. Воробьевой «Языковая концепция регионального существования человека и этноса» (2004, Барнаул), XLIII Международная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс» (2005, Новосибирск), VI Всероссийская конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (2005, Томск), V Всероссийская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (2005, Томск), IX Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (2005, Томск), Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного словообразования» (2005, Кемерово), Международная научная конференция «Актуальные проблемы русистики: языковые аспекты регионального существования человека», посвященная юбилею академика МАН ВШ, доктора филологических наук профессора О.И. Блиновой (2005, Томск). Содержание работы отражено в 11 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из *введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения.*

Основное содержание работы.

Во введении обосновывается актуальность работы, ее новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются ее цели и задачи, определяются объект и предмет исследования, описываются материал и методы исследования, а также излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В *первой главе «Метафорическая номинация как механизм формирования образного компонента семантики движения»* рассматриваются общетеоретические проблемы, на основе которых формируется корпус теоретических положений, актуальных для достижения цели исследования. В § 1 первой главы определяется один из основных рабочих терминов диссертации – языковая картина мира (ЯКМ). *Языковая*

картина мира интерпретируется как языковое воплощение понимаемого, объективного мира, частью которого является и сам человек. ЯКМ связана с концептуальной картиной мира – картиной мира, сформированной в мышлении человека и объективированной в ряде семиотических систем, в том числе в семиотике естественного языка. Таким образом, языковая картина мира является частью концептуальной картины мира. Человек пользуется самыми различными инструментами в процессе объективации ЯКМ. Языковая метафора при этом является одним из ведущих способов моделирования языковой картины мира, помогая человеку адаптироваться к новым концептам, оформляя их на основе подобия с уже известными ему явлениями и выражая весь спектр субъективных смыслов, необходимых ему в процессе общения.

При помощи метафоры, которая является единством мысли и языка, человек представляет, моделирует, организует окружающую действительность. В центре данного исследования находится языковая метафора, т.к. языковая картина мира представляет собой обобщенный взгляд на мир всех носителей данного языка. Посредством анализа диалектной языковой метафоры, предоставляется возможность показать систему образного отражения категории движения носителями одной из форм национального языка.

В следующем параграфе кратко излагаются основные положения современных теорий метафоры. Количество трудов, посвященных изучению метафоры, в лингвистике достаточно велико (М. Блэк, Н.Д. Арутюнова, Э. Кассирер, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, В.З Демьянков, Е.С Кубрякова, В.Н. Телия, В.Г. Гак, Г.Н. Скляревская, А.П. Чудинов, З.И. Резанова, О.Н. Лагута, Е.А. Юрина и мн. др.). На настоящем этапе развития теории метафоры четко обозначились два направления ее исследования.

Структурные методы исследования языковой семантики, использующиеся в рамках теории регулярной многозначности, реализуются в компонентном анализе отдельного значения слова. Как заметила О.Н. Селиверстова, данный метод, начав интенсивно использоваться в лингвистике в конце 50-х годов, и впоследствии, пережив периоды взлетов и падений, «никогда не переставал реально применяться в семантике» [О.Н. Селиверстова, 2004]. В работе отмечается значительная продуктивность этого метода в исследовании механизмов метафоризации, предпринятая в работах отечественных лингвистов (В.Г. Гак, Ю.Д. Апресян, И.А. Стернин, и др.). В рамках данного подхода также весьма эффективно была решена проблема типологизации языковой метафоры (Н.Д. Арутюнова, Г.Н. Скляревская, В.Н. Телия и др.).

С интенсивным развитием когнитивной лингвистики изменилась точка зрения на метафору, которая рассматривалась ранее как собственно языковая единица, как один из способов порождения особого типа значения. С восприятием метафоры не как собственно языковой единицы, а как элемента, способного задавать структуру концептуальной системы индивида, исследователи вышли за рамки дисциплин, которые раньше занимались

изучением метафор (риторика, поэтика, стилистика, структурная семантика), а для дальнейшей работы стал привлекаться понятийный аппарат психологии, логики и других наук.

Повышенное внимание к метафоре со стороны когнитивной науки связано с ее представлением в качестве «языкового явления, отображающего базовый когнитивный процесс» [В.В. Петров, 1990]. Понимание метафоры как связующего звена между несхожими концептами, позволяющего думать об одной области через призму другой, диктует новое понимание структуры концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон).

Анализируя современные когнитивные исследования метафоры, В.В. Петров замечает, что наряду с блестящими результатами, достигнутыми когнитивистикой, метафоризация в рамках этого направления рассматривается без учета «языкового оформления» метафоры [В.В. Петров, 1990]. Поэтому можно констатировать, что рассмотрение метафоры в рамках данного подхода связано с риском ухода в область чистой когниции.

Появившиеся в последние годы работы отечественных лингвистов, посвященные комплексному анализу языковой метафоры с точки зрения ее семантической и когнитивной специфики, доказывают, что эти два направления могут быть успешно объединены (А.П. Чудинов, Н.А. Мишанкина, Л.И. Ермоленкина, Е.В. Шитикова, А.М. Мухачева и др.).

На основе проведенного обзора в работе обосновывается необходимость совмещения данных исследовательских подходов при анализе системы метафорического моделирования семантики движения в русских народных говорах. Метафорические номинации, языковые единицы особых семантических структур при таком подходе рассматриваются как способ выявления когнитивных образных моделей движения, представленных в русской диалектной языковой картине мира.

При исследовании образного представления **движения** в языке необходимо остановиться на особенностях семантики лексических единиц, которые в исходном номинативном значении имеют сему «движение». Эти вопросы обсуждаются в §3 первой главы, в пределах которой также характеризуются основные структурные компоненты ситуации движения. В качестве одного из базовых признаков перемещения рассматривается ориентационный параметр. *Траектория* движения показывает *где, куда и откуда* осуществлялось движение. Говоря об особенностях динамической ориентации передвижения, стоит отметить, что для динамических ситуаций показателен такой момент, когда движение может быть ориентировано не только по исходному или конечному пункту, но и по исходному или конечному направлению. В значительной степени функцию показателей ориентации берут на себя либо именные падежные системы, либо пространственные предлоги/послелogi, управляющие существительными. В параграфе обсуждается роль глагольных префиксов с пространственным значением, характеристики пространства и самого перемещения.

Движение и перемещение – это, как правило, постоянное изменение положения в пространстве. Значимыми компонентами в структурирующей

ситуации движения оказываются *субъект* (одушевленный, неодушевленный), *направление* (вверх-вниз, вперед-назад, по замкнутой кривой, из стороны в сторону), *пространство* (открытое, закрытое), *среда*, в которой происходит перемещение (воздух, вода, поверхность земли), *характер* передвижения (пешком, бегом, ползком, волоком), *каузирование* (в роли каузатора могут выступать живые существа, а также неживые предметы).

Вопросы аксиологической направленности образной номинации движения рассматриваются в §4. Анализируя способы концептуализации мира, воплощенные в русских глаголах движения, многие исследователи (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, В.Н. Телия, Г.Н. Скляревская, Н.К. Рябцева и др.) приходят к выводу, что поле движение тесным образом связано с полем оценки. Человек, воспринимая свойства предметов в мире, наблюдает за ситуацией и оценивает ее. Ценностный мир всякой национальной культуры имеет свой исторически сложившийся характер, целостный образ, который отражается в особом типе ментальности, свойственном определенной нации.

Оценка является одной из важнейших лингвистических категорий и принимает непосредственное участие в организации языкового сообщения. Она национально окрашена и представляет собой часть этнокультурной прагматики. Оценка рассматривается как сложная многоэлементная структура, которая включает в себя такие компоненты, как субъект (лицо, приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки), предмет (тот объект, которому приписываются ценности, или объекты, ценности которых сопоставляются), основания оценки (то, с точки зрения чего производится оценивание) и характер оценки (положительная или отрицательная) [А.А. Ивин, 1970].

Для данного исследования актуальной оказалась разработанная Н.Д. Арутюновой классификация оценок, в основе которой лежит деление оценочных значений на *общеоценочные*, которые реализуются словами «хороший» и «плохой», а также их синонимами с разными коннотативными оттенками, и *частнооценочные*, дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения (группа сенсорных оценок, группа сублимированных оценок, группа рационалистических оценок).

Система метафорических номинаций, принадлежащих различным семантическим сферам, сформированная на базе образного осмысления ситуации, свидетельствует об их общеантропоцентрической направленности, что прежде всего проявляется при соотнесении представлений о стандартах и эталонах, возникающих не только на основании знания и интуиции одного человека, но и жизненном опыте всего языкового коллектива, с теми объектами, которые подвергаются оценке.

Что касается оценки, то ее соотношение с вертикальным движением описано Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (модель «доброе – наверху, плохое – внизу») [Дж. Лакофф, М. Джонсон, 1990]. В когнитивной семантике схема горизонтального движения «источник – путь – конечный пункт»

рассматривается как база множества метафор, в том числе и выражения намерения [Т. Анштатт, 1999].

Оценка исходной ситуации движения-перемещения может быть не выражена, являясь потенциальной. Заключение о типе оценочного ассоциирования того или иного типа движения можно сделать на основе анализа метафорических номинаций явлений, созданных на основе образного переосмысления ситуации перемещения и высвечивающих, актуализирующих скрытые, потенциальные оценочные смыслы. Например, поступок человека метафорически именуется на основе переосмысления семантики движения вниз: **врюшиться ИЗ** «упасть» (Врюшилась с возу, семи месяцев родила, и выжил) – **РЗ** «попасть в неприятное положение» (Ну и врюшилась, зачем к ним в Якутску поехала, допоганила свою долюшку) (Пенз.). В метафорическом значении данная глагольная лексема приобретает отрицательный оценочный смысл, как именование ненормального для человека существования. При оценивании поступков человека в семантике исходного значения «упасть» актуализируются компоненты «оказаться внизу», на «дне», там, где не свойственно быть человеку в привычной для него ситуации. Образ падения человека вниз связывается в метафорическом значении со смыслами «порочный», «аморальный», «безнравственный». Содержание номинативного значения перемещения-падения является основанием для этической оценки в метафорическом наименовании. Так проявляется особая природа метафорической оценки, когда через призму значения движения в физической среде оцениваются явления абстрактных сфер, таких, например, как сфера поведения и поступков человека.

Вторая глава «Ориентационные метафорические модели движения в русских народных говорах» посвящена описанию метафорических моделей, направленность которых определяется актуализацией ориентационных параметров ситуации движения. Значимыми для формирования направленности образного ассоциирования в метафорической номинации являются такие ориентационные параметры, как движение **по вертикали** (вниз, вверх), **по горизонтали** (вперед и приближение к ориентиру, назад и удаление от ориентира, мимо ориентира, извне наружу, по замкнутой кривой, из стороны в сторону).

Как известно, в языковом сознании русскоговорящих, в том числе в диалектных формах существования языка, движение по вертикали – сверху вниз и снизу вверх – связано с тремя наиболее обычными для человека и окружающего его мира средами: воздух, вода и поверхность земли. Следует отметить, что это движение может протекать в одной среде, но чаще движение по вертикали связано с образом перехода из одной среды в другую. В смысловой структуре глагола, отражающей способ восприятия динамического фрагмента мира, эти два аспекта оказываются тесно взаимосвязанными.

Рассматривая воздух, под которым понимается пространство, заполненное смесью газов, располагающееся над землей и являющееся противоположностью ей, отмечаем, что мир, таким образом, оказывается

разделенным на две части, одна из которых земля, представляющая опору для всего, что не способно летать, и прежде всего человека, для которого эта среда является местом обитания, и воздух – пространство для тех, чье существование без опоры возможно. Вместе с тем воздух, не являясь местом бытования человека, является необходимым условием для его жизни.

Направленное движение вниз в воздухе – это произвольное движение, которое осуществляется под действием силы земного притяжения. Движение вниз в водной среде, под которой понимается заполненное жидкостью пространство, чаще всего представляет движение с поверхности вглубь.

Земное пространство, осмысляемое как твердое и неподвижное, располагающееся внизу, находящееся в оппозиции небесному, противопоставляется и водному пространству, но по другому признаку: земное пространство в метафорах вертикального перехода осмысляется как место открытое, «свое» – место обитания человека, в противоположность скрытому, «чужому» пространству водной стихии.

Поскольку метафорическое переосмысление движения практически никогда не осуществляется на основе актуализации одного признака, что, в свою очередь, затрудняет типологизацию метафорических моделей, то в данной работе модели выделяются по доминирующему признаку, актуализация которого определяет общую модель метафорического уподобления какой-либо сферы человеческой жизни сфере перемещения в физической среде. Ориентир движения в обширном ряде единиц является наиболее сильным компонентом семантики движения-перемещения, определяющий направление метафорических переносов.

В сознании представителей народной культуры образ перемещения в вертикальном направлении **вниз** связывается прежде всего с деструктивными процессами, происходящими в физиологической, социальной, психологической, интеллектуальной сферах, с процессами, ассоциирующимися с идеей разрушения, смерти.

Основная метафорическая модель, созданная на основе актуализации семантики движения вниз в глаголах перемещения – **«Движение вниз – изменение дел в худшую сторону»**, объединяет значительное количество конкретных метафор. Варьирование модели обусловлено многообразием типов смысловых сфер, в которые совершается метафорический перенос, а также тем, что в процессе метафоризации наряду с основным компонентом «ориентация» могут актуализироваться другие смыслы. В общем объеме метафорических переносов доминируют образные переосмысления движения вниз в воздухе – метафорические образы падения.

В системе метафорических образов в рамках подмоделей «Падение – смерть», «Падение – ухудшение физиологического состояния организма» нахождение внизу метафорически преломляется как образ смерти (*валиться*: ИЗ «падать, лететь вниз на землю» (Я валюсь с возу, а ты не видишь) → РЗ «умирать,дохнуть» (Сап у лошадей, сразу валятся) (Пск.), как характеристика физической немощи (*обринуться*: ИЗ «упасть, потеряв равновесие» (В темноте шла и обринулась в канаву) → РЗ «падать от

усталости, изнеможения» (Проходил он шестеро сутки, на седьмые обринулся) (Пск.).

Смысл аномативности, деструктивности процессов и поступков может быть различным образом конкретизирован в семантике определенных лексем, что позволяет выделить общую модель «**Движение вниз – аномативные состояния, процессы и поступки**», которая также подразделяется на более частные подмодели. В исходных значениях подмодели «Падение – беда, неудача» кроме семантических компонентов, связанных с архетипическим противопоставлением «верх-низ» актуализируются семы «скорость» и «неожиданность» (*обшуснуться*: **ИЗ** «упасть, сорваться» → **РЗ** «сделать промах; потерпеть неудачу» (Смол.). При большой скорости отражаемая в этой подгруппе глаголов семантика соприкосновения с твердой поверхностью расценивается как удар, который связан с семантикой физической деструкции, что является основанием создания образа разрушения в социальной и эмоционально-этической сферах. В результативных значениях глаголов в подмодели «Падение – асоциальный поступок» метафорически именуется поступки и действия человека (*обрешетиться*: **ИЗ** «упасть, свалиться» → **РЗ** «потерять девственность до замужества» (Пск.); *скопылиться*: **ИЗ** «упасть, свалиться» → **РЗ** «сбиться с правильного пути в жизни» (Влад.). Метафорическая номинация представляет картину жизни как предназначенного пути, или как некое устойчивое состояние на этом пути. Утрата устойчивости, падение, отклонение от пути ассоциативно связывается с аморальными поступками. При этом безнравственность, распущенность, порок концептуализируются как что-то нечистое, темное (земля – твердое, непрозрачное), а о добродетели думают как о чистой и незапятнанной (воздух – прозрачность, чистота). Нарушая установленный в обществе порядок вещей, представитель данного социума оценивается обществом как не отвечающий нормам этики и заслуживает порицания.

В метафорических переносах подмодели «Упасть в грязь – оказаться в беде, социально аномативном положении» на первый план выходит семантика грязи, актуализируется значение перехода в «нечистое пространство» в соединении со смыслами быстроты, неожиданности такого перехода для субъекта (*взыряться*: **ИЗ** «нечаянно упасть в воду, в тину или грязь» → **РЗ** «попасть в беду» (Волог.). Семантика низа в сочетании с образом жидкой, вязкой, грязной среды является основанием отрицательной оценки ситуации. Однако в отличие от рассмотренной выше модели в данном случае актуализируется смысл нецеленаправленности действия субъекта, вследствие этого результативная ситуация осмысливается как беда, в которой субъект оказывается против своей воли, что также мотивируется образом случайного, нецеленаправленного процесса «упасть в грязь».

На основе актуализации семантики направления движения по вертикали вниз, семантики среды и смыслов «переход из одной среды в другую» в диалектных семантических системах действует **метафорическая модель «Погрузиться в воду – переместиться в другое пространство, исчезнуть»**,

которая реализуется в нескольких подмоделях (подмодели: «Погрузиться в воду – скрыться из виду» (*занырнуть*: ИЗ «скрыться под водой, нырнуть» → РЗ «скрыться где-нибудь, спрятаться в чем-нибудь» (Низ. Печор.); «Неоднократное движение вниз – исчезновение из виду» (*нырять*: ИЗ «то погружаться в воду, то подниматься» → РЗ «то появляться, то исчезать, сновать» (Ряз.); «Нырять – неоднократно перемещаться в пространстве» (*занырять*: ИЗ «начать нырять» → РЗ «начать двигаться в разных направлениях по неровной поверхности» (Ряз.) и «Нырять – неоднократно менять пространство обитания» (*мырять*: ИЗ «погружаться в воду с головой; нырять» (Мырят и мырят, утонет ведь) → РЗ «бывать, находиться время от времени» (Она везде мыряла, и в Астрахани, и везде). Водная среда в отношении к человеку рассматривается как «чужое» для него пространство, значимыми являются также актуализированные смыслы сокрытия. В социальной сфере, сфере поведения и поступков при образном осмыслении движения вниз в жидкости выделяются такие составляющие, как образ жизни, отношение человека и социума.

Образы движения по вертикали **вверх**, которые в диалекте представлены в значительно меньшем объеме, в сознании носителей языка связываются прежде всего с позитивными процессами, происходящими в разных сферах человеческой жизни, ассоциируются с идеей возрождения, достижения успехов, продвижения по «социальной лестнице». На основе актуализации ориентационного аспекта движения вверх создаются метафоры в пределах **метафорической модели «Движение вверх – изменение положения дел в лучшую сторону»**. Варианты реализации модели связаны с тем, что сферы жизни получают образное осмысление через семантику направления движения – сферы морали, эмоции, социального, физиологического аспектов жизни и т.д. Через образ движения вверх в диалектных системах осмысливается изменение в социальном статусе. Реализуются метафоры в пределах подмодели «Движение вверх – продвижение в социальной сфере» (*вызниматься*: ИЗ «подниматься» → РЗ «делать карьеру, подниматься по служебной лестнице» (Арх.); *подняться*: ИЗ «переместиться куда-либо вверх» → РЗ «достичь более высокого уровня в жизненном положении» (Сиб.). Передвижение в обычном физическом пространстве метафорически интерпретируется как перемещение в «идеальном» пространстве «социальной лестницы». В представлении диалектоносителей трудолюбивый, расторопный, инициативный человек соотнесен с тем, кто не пренебрегает социально установленной нормой трудиться, быть полезным обществу, приносить пользу.

Метафорическое осмысление эмоциональной сферы на основе актуализации семантики движения вверх в диалектных системах представлено менее объемно. Отмечены лишь единичные примеры метафор, реализующихся в рамках подмодели «Движение вверх – эмоциональный подъем», например: *вздыматься*: ИЗ «подниматься вверх» (Весной вот так вода вздымается) → РЗ «гордиться» (Вот она и вздымается) (Карел.). Вторая базовая **модель** основывается на уподоблении передвижения вверх как

увеличения «**Движение вверх – увеличение**» (*скокнуть*: **ИЗ** «прыгнуть вверх» (Завился [конь] опять, разлетелся, скокнул – одного венца не достал) → **РЗ** «подняться (о кровяном давлении)») (Сегодня у меня давление скокнуло, кружит яро) (Арх.); Сема «направление вверх» исходного значения выступает как «повышение» в метафорическом. В данном случае наблюдается взаимодействие метафорической и метонимической схемы переноса.

Таким образом, аспект направления движения по вертикальной оси служит основой формирования оценочных метафорических номинаций, так как глаголы движения, фиксирующие такой тип ориентации, связываются с двумя базовыми архетипическими семиотическими оппозициями «верх-низ» и «своё-чужое». Семантика движения вниз является сферой-источником для осмысления ухудшения положения дел в социальной, психической, физиологической и физической сферах. Семантика направленности вверх ориентирована антиномично. При этом наблюдается значительная асимметрия продуктивности моделей в пользу метафорических моделей, основанных на образной интерпретации движения вниз и имеющих отрицательную аксиологическую направленность.

Говоря о горизонтальном направлении движения, под которым понимается перемещение, протекающее по земной, водной поверхности и в воздухе и не имеющее направления по вертикали, отмечается, что такое передвижение представлено в большем количестве метафорических моделей. Значимыми для перемещения в горизонтальной плоскости оказались такие ориентационные параметры, как направленность вперед и назад, приближение к ориентиру и удаление от него, а также направление мимо ориентира.

В модели «**Движение вперед – устремленность к достижению какой-либо цели**» через образ движения вперед метафорически осмысляется целенаправленная деятельность (*грестись*: **ИЗ** «идти, направляться куда-нибудь» (Вот и коровы домой гребут) → **РЗ** «стремиться к кому-л., чему-л.» (За городского ты не гребись, лучше приезжай в деревню, он и любить и уважать будет) (Карел.). В пределах метафорической подмодели «Движение вперед – достижение цели речевого поступка» глаголы создают образы различной интенсивности действия за счет наличия семы «стремительность» в исходном значении (*бросаться*: **ИЗ** «стремительно направляться куда-нибудь, устремляться» (Девушка [от волка] к огороду; у окна он бросался, мужик вилам его) → **РЗ** «обращаться» (К депутатам бросался [по поводу пенсии]) (Пск.).

Тип метафорического моделирования семантики приближения к объекту реализуется в образных номинациях времени в рамках модели «**Достижение конечного пункта движения – наступление периода времени**». В основу переноса наряду с направленностью движения кладется и **приближение к ориентиру** (*подойти*: **ИЗ** «идя, приблизиться к кому-либо, чему-либо» (Бабушка-то проснулась. Чё такое? Подходит ко мне) → **РЗ** «наступить какому-либо времени, исполниться какому-либо возрасту» (Кому

жаловаться? Годы подошли) (Верш.). Время метафорически уподобляется человеку, т.е. осмысляется как субъект действия: оно образно интерпретируется как способное совершать движение в заданном направлении и достигать желаемого (или предполагаемого) объекта. Такого рода действия времени не оцениваются говорящим отрицательно, поскольку человек, изначально расчленив свою жизнь на определенные отрезки времени, которые он осознает как ориентиры (своеобразные пункты назначения), воспринимает эти этапы как достижение определенных результатов.

Семантика сближения, соединения объектов в модели **«Приближение к ориентиру – включение объекта в личную сферу»** является базой формирования смыслов «включить в личную сферу», «сделать своим» (*пригрудить*: ИЗ «*пригрести, подтянуть*» (Ой, где она плывет, надо ее пригрудить к берегу) → РЗ «*присвоить*» (Икону в Бондюге одна женщина пригрудила) (Перм.). Приближение в данном случае интерпретируется как включение объекта в сферу «своего» и, как следует из толкования слова, контекстов его использования, такое отношение не получает «социальной санкции», вследствие чего оценивается отрицательно.

В представлении носителей языка **движение назад** связывается с недостижением цели, ассоциируется с идеей регресса, ухудшения. Формируются метафорические переносы в рамках моделей **«Движение вспять – нарушение обязательств»** (*корачиться*: ИЗ «*пяtitься*» (Почего (зачем) от меня корачишься?) → РЗ «*не сдерживать данное слово*» (Якут.) и **«Движение вспять – нарушение поведенческих норм»** (*вылягивать (вылегнуть)*: ИЗ «*выходить из упряжки, подбрасывая задние ноги*» → РЗ «*отбиваться от рук, выходить из-под власти старших, дурить*» (Ср. Урал.). Отступление от намеченного, задуманного, обещанного метафорически интерпретируется как нарушение социальных правил поведения, а семантика выхода из какого-либо пространства служит основой образного осмысления асоциальных поступков и поведения.

Если семантика движения назад, как правило, служит основой формирования образов, получающих отрицательную оценку, то **удаление от ориентира** интерпретируется как изменение объекта по отношению к какому-либо его исходному состоянию, и это изменение может быть как в лучшую, так и в худшую сторону. На основе актуализации данного ориентационного компонента семантики движения формируются метафорические модели **«Удаление от ориентира – изменение состояния субъекта»** (*вываливаться*: ИЗ «*отходить от опасного для судна места (мели и т.п.)*» → РЗ «*выздоровливать*» (После болезни-то у нас понемногу все вываливаются) (Костром.) и **«Удаление от ориентира – смерть»** (*отойдти (отойтить)*: ИЗ «*отойти*» → РЗ «*умереть*» (Уланиха, говорят, отходит. Сколько же она будет отходить? Наш дед скоро отошел) (Ряз.).

Семантика движения по направлению «к» и «от» ориентира, «вперед» и «назад» служит основой создания метафорических образов достаточно

широкого спектра семантических сфер и прежде всего сферы социальных поступков и поведения человека.

Направление **движения мимо ориентира** метафорически интерпретируется как характеристика течения времени в рамках **метафорической модели «Движение мимо ориентира – движение времени»**. Характер реализации модели зависит от соединения компонентов «движение мимо ориентира» с другими семантическими компонентами – «скорость», «каузация», «препятствия» (*пробунеть*: ИЗ «*пронестись, промчатся*» → РЗ «*быстро пройти, миновать (о времени)*») (Что было, это прошло, пробунело) (Ряз.). При помощи глаголов, называющих быстрое движение, метафорически интерпретируется отношение человека к некоторому отрезку, фрагменту жизни, наполненному какими-либо событиями, который всегда будет оцениваться положительно.

Через семантику направления движения **изнутри наружу** – из замкнутого пространства в открытое – получают образное осмысление интеллектуальная сфера, сфера речевых поступков и поведения человека. В модели **«Прекращение локализации внутри чего-либо – изменение интеллектуальных процессов»** метафорически интерпретируются изменения, связанные с потерей информации, хранимой в памяти (*выпадать*: ИЗ «*выпасть*») (Вываливаются, выпадая, не держут мои тиски, сносились) → РЗ «*выпадать из головы; уходить из памяти, забываться*») (Из старой головы оно и выпадает) (Пск.). Стремительное начало действия в рамках модели **«Стремительное движение извне наружу – асоциальное поведение»** лежит в основе метафорического переноса (*вылетать*: ИЗ «*отделяясь от чего-л. под внешним воздействием падать вниз*») (Сначала большое решето, только шкорлупа остается, а орехи с сором вылетают, а потом уже и мелкий вылетает, орех остается, и мелочь тоже вылетает) → РЗ «*непроизвольно вырваться (о словах)*») (Я счас заругаться боюсь в ограде. Все равно вылетат) (Верш.). В результативном значении актуализируется отрицательная оценка поведения человека, не способного управлять своими эмоциями и чувствами, человека несдержанного.

Движение по замкнутой кривой служит сферой-источником метафорического осмысления ряда ненормативных социальных действий, поведения, в том числе речевого поведения. Формируются **метафорические модели «Двигаться по замкнутой кривой – лгать, обманывать»** (*огибенивать*: ИЗ «*обогнуть, сделав круг*» → РЗ «*дурачить, обманывать; обводить вокруг пальца*») (Не огибенивай ты меня) (Твер.) и **«Передвигаться по кривой траектории – нелогично говорить»** (*колобродить*: ИЗ «*плутать, блуждать, сбившись с дороги*» → РЗ «*говорить бестолково, бессвязно, не уметь объяснить что-л.*») (Ты, сват, стал ще-то колобродить!) (Калуж.). При реализации значения «двигаться по окружности» становится обязательной позиция локальности. Образ «непрямого» пути, перемещения с возвращением к исходной точке движения является сферой-источником не только лжи, обмана, но и отсутствия логичности речи.

При метафоризации имен физиологической сферы семантика движения по кругу и семантика беспорядочных, нерегулярных движений служат сферой-источником образного осмысления физиологических процессов. Образ движения, приводящего человека, субъекта перемещения к исходной точке, является источником образа усталости, крайней степени утомленности. В рамках **метафорических моделей «Двигаться по кругу – утомляться, уставать»** (*заботаться*: ИЗ «замотаться, закрутиться вокруг чего-либо» (Хочу приучить телка, чтоб он с телятами ходил, а он заботался за кол) → РЗ «измучиться, утомиться» (Ходишь, ходишь, вся заботалась...) (Краснояр.) и «Совершать колебательные движения – утомиться» (*заюшиться*: ИЗ «задвигаться, зашевелиться» (Когда щуки нерестуют, они выходят на берег. С одного выстрела с ружья убивают штук по десять. Они как заюшутся, тогда их и бьют) → РЗ «устать от хлопот, суеты, захлопотаться, закрутиться» (А то я заюшилась, ну, примерно устала и не знаю, за что взялась) (Пск.) признак количества и однообразия движений аспектуализирует оценку неэффективности содержательной стороны действий. Метафорически состояние человека осмысливается как чрезмерная степень изнеможения из-за погружения в действие целиком.

Образы **колебательного движения** являются сферой-источником для метафорического моделирования социальной, эмоциональной сферы человеческого существования. Общая **метафорическая модель «Беспорядочно двигаться из стороны в сторону – совершать асоциальные поступки»** реализуется в ряде частных подмоделей. Образ возвратно-поступательного движения, предполагающее неоднократное возвращение в исходную точку, является основой формирования бесцельного времяпрепровождения. В подмодели «Беспорядочно двигаться из стороны в сторону – бездельничать» оценка поведения человека, позволяющего себе тратить время без пользы для себя и других, бесплодно и безрезультатно жить, актуализируется в дескрипции результативного значения глагола *колыхаться*: ИЗ «шататься (о больном зубе)» (У нее зуб колыхается, скоро упадет) → РЗ «слоняться, болтаться без дела» (Хватит колыхаться весь день тебе!) (Свердл.). Формируется метафорический образ человека, теряющего «корни» (то, что держит его и является смыслом существования), утрачивающего прочное положение в обществе, не имеющего цели впереди. Вторая метафорическая подмодель «Изгибаться – важничать, гордиться» связана с образным осмыслением характера телодвижений человека, которые характеризуют тип неестественного социального поведения – проявления чванства, гордости. В данном случае актуализированным семантическим компонентом оказывается такой признак, как «колебание одной какой-либо части объекта» (*кичижиться*: ИЗ «ломаться, изгибаться» → РЗ «кичиться, чваниться, гордиться чем-либо» (Волог.). Человек, неестественным образом изгибаясь, отклоняется от физической нормы, пытаясь привлечь внимание, «ломает» свое тело, нарушая тем самым состояние гармонии, комфорта. Все это связывается с представлениями о нарушении человеком правил поведения (морально-нравственный аспект).

Колебательное движение предмета с незначительной амплитудой выступает сферой-источником создания метафорического образа эмоционального состояния волнения, беспокойства, страха, т.е. смысловой группы «тревога». Вместе с тем дрожь как вид такого колебательного движения тела является способом физического проявления данного состояния. Смысловые отношения в **метафорической модели** могут быть сформулированы: **«Совершать колебательные движения – проявлять эмоцию в состоянии тревоги»** (*дрыгать*: ИЗ «дрожать, трястись, качаться») (Мужики-ти на крыльцо-то да поднимаются, – Да ступень-от до ступеня не догибаются; По новым сеням идут, – сени дрыгают) → РЗ «бояться, трусить» (Не дрыгай, ничего он нам не сделает) (Арх.). Исходная понятийная ситуация определенного типа колебательного движения связана метонимически с ситуацией совершения подобного вида действия, состоящего из дрожания тела в силу испытываемого человеком сильного чувства страха. При переходе в сферу обозначения эмоционального состояния человека первоначальный семантический компонент (малые колебательные движения) реализуется в метафорическом значении оценки человека, волю которого сковывает страх, в таких параметрах, как трусливый, физически слабый, неуверенно чувствующий себя и, следовательно, неприятный, ненадежный, не располагающий к себе человек.

Третья глава «Метафорические образы способов движения» посвящена описанию метафорических моделей, созданных на основе актуализации семантического компонента **способа передвижения**. В данной главе рассматриваются метафорические модели, в которых какие-либо сферы деятельности осмысляются через образы движения в воздухе (*лететь*), в воде (*плыть*) и на земле (*идти, бежать, ползти*). В пределах каждой группы семантика движения в определенном пространстве может соединяться с другими семантическими компонентами, что влияет на направление метафорического моделирования. Так, например, доминирующим семантическим компонентом при создании метафорических переносов в **воздушной среде**, которая в представлении диалектоносителей связывается с образом беспрепятственного перемещения в силу специфических характеристик данного типа пространства, становится компонент «большая скорость». Вследствие актуализации этого компонента семантики формируются образы быстрого перемещения в рамках **модели «Лететь – быстро перемещаться»**. В диалектах движение в воздухе, полет служит основой создания образов перемещения по земле – быстрой ходьбы, бега – в метафорической подмодели «Лететь – быстро идти, бежать» (*улететь*: ИЗ «улететь») (Муха здоровая, улетела где-то) → РЗ «убежать, умчаться» (Она улетела, где-то унеслась) (Ряз.). Известно, что оценочная шкала по отношению к норме смещена в сторону положительной оценки. Поэтому большая скорость может входить в норму, оцениваться как благоприятная для человека. Превышение же нормы в несоизмеримых со свойствами человека масштабах, является для него нежелательным, опасным, следовательно, оценивается отрицательно.

Семантика перемещения по воздуху служит сферой-источником метафорического осмысления времени. На основе актуализации компонента «быстро, беспрепятственно передвигаться» формируется **метафорическая модель «Лететь – быстро проходить (о времени)»** (*пролететь*: ИЗ «летя, миновать кого-л., что-л.») (А Фатя постират, да как ворон пролетел, крылом задел – черно белье-то) → РЗ «*быстро пройти, миновать (о времени)*» (Да вот и жисть пролетела) (Верш.). Исследуя метафорические модели времени в русском языке, Д.А. Катунин отмечает, что «положительно оцениваемые отрезки времени могут сочетаться только с глаголами, которые обозначают быстрое движение» [Д.А. Катунин, 2005], справедливость этого утверждения выявлена и в диалектной метафоре.

Перемещение предметов в жидкой среде воспринимается носителями языка как движение плавное, гармоничное. Важными семантическими компонентами в **метафорической модели «Движение предмета в жидкости – движение в воздухе природных объектов»** являются тип среды, скорость (малая) и способ (плавно) (*плыть*: ИЗ «*передвигаться по поверхности или в глубине воды*») (Она [корова] боком встает и так вот плывет кругами, кругами плавает) → РЗ «*плавно, медленно передвигаться в воздухе [о луне, о солнце]*» (Черный месяц плывет над рекой) (Верш.). Движение в воздухе сопоставимо с движением в воде по признаку «плавно». Наблюдается общее свойство двух сред – это отсутствие препятствий, которые бы затрудняли перемещение.

Наиболее разнообразно представленное в диалектной языковой картине мира **движение по поверхности земли** (пешком, бегом, ползком, волоком) в сознании носителей языка связывается с передвижением, препятствуемым в силу возникновения на пути перемещающегося или перемещаемого предмета разного рода помех. На основе актуализации данных аспектов смысла сферы-источника формируется **метафорическая модель «Медленное перемещение по твердой поверхности – неинтенсивный или деструктивный процесс»**, реализующаяся в ряде частных подмоделей: «Медленное движение – неинтенсивный процесс» (*телепаться* ИЗ «*медленно, обессилено идти*») (Робишь, робишь на поле, домой потом еле телепаться) → РЗ «*делать что-либо очень медленно*» (Уж больно он телепаться-то любит) (Прибайкал.), «Затрудненное, медленное перемещение – трудное течение жизни» (*барлять*: ИЗ «*медленно, с трудом передвигаться, ковылять*») (Папашка мой родной там похоронен, он был сильный еще, барлял понемножечку, барлять – ходить понемножечку) → РЗ «*с трудом справляться с нуждой, перебиваться*» (Старуха, будем как-нибудь барлять) (Пск.). Через такие признаки, как общая усталость организма, переутомление, метафорически осмысляются действия (медленные, малоинтенсивные, вялые) и состояние человека (неактивное, незнергичное, что является показателем физического нездоровья). Также метафора устанавливает отношения подобия между медленным движением субъекта (чаще всего человека пожилого, немощного) и какими-либо процессами, относящимися к области социальной сущности человека.

Медленное перемещение по твердой поверхности может быть мотивировано не физической ущербностью субъекта, не наличием препятствий на пути, но причиной такого движения может быть особая цель – двигаться медленно, не спеша, для отдыха. Такое движение человеком воспринимается как приятное, доставляющее удовольствие, являющееся формой отдыха. Данная комбинация признаков движения получает своеобразное преломление в системе метафорических образов. Влияние фактора целеполагания субъекта при движении проявляется в выделении особой группы глаголов пешего перемещения, обозначающих движение для отдыха, прогулки. Данный тип движения является базой метафорической интерпретации действий, поступков, поведения человека. Именно компоненты «для отдыха», «удовольствия» становятся основой образного переосмысления в таких переносах. На основе актуализации данных смыслов формируются две модели, одна из которых связана с образным осмыслением семантики отдыха, другая – с выдвиганием на первый план смысла «для удовольствия». Объединяет модели отрицательная оценочность, сопровождающая дескриптивный компонент результативного значения. Метафорические значения, сформированные на основе переосмысления семантики «гулять», «отдыхать», характеризуют поведение и поступки человека, порицаемые в народной культуре.

На первый план в исходном типе движения в **метафорической модели «Гулять – бездельничать»** (*гулять* ИЗ «ходить не спеша на свежем воздухе» (Девки гуляли, ходили, но не пили, никогда) → РЗ «проводить время в развлечениях, бездельничать» (Он гуляет, не работает) (Верш.) выходит смысл получения удовольствия, связанный с праздностью, отдыхом, бездельем. В рамках модели **«Гулять – совершать асоциальные поступки»** смыслы *гулять* – «отдыхать», «для удовольствия» – связаны с образом запретного удовольствия. Глаголы со значением «гулять» служат основой метафорической характеристики кутежа, измен (*гулять* ИЗ «ходить не торопясь, для отдыха, удовольствия» (Ходить гулять на улицы) → РЗ «изменять жене (мужу)» (Они записавши, жили, а теперь он загулял, и по сих пор гуляет) (Пск.), *запогуливать* ИЗ «начать ходить, прогуливаясь» (С кормы на нос он по кораблю да запогуливал) → РЗ «начать кутить, вести разгульный образ жизни; начать выпивать» (Арх.).

В целом медленное перемещение в пространстве в системе метафорических переосмыслений оказывается противопоставленным быстрому передвижению по твердой поверхности – быстрой ходьбе и бегу. На основе актуализации компонентов «скорость» в сочетании с компонентом «целенаправленность» формируется **метафорическая модель «Быстрое целенаправленное передвижение бегом – целенаправленное социальное действие, поступок»**, где быстрое приближение к конечному пункту движения метафорически осмысливается как достижение поставленной цели, исполнение задуманного (*гониться*: ИЗ «гнаться, следовать за кем-нибудь, преследовать» (Девка молода пошла за реку, он и гонился, пьяный да) → РЗ «следовать чьему-л. примеру, равняться на кого-н.» (Где-ка люди спят, а мы

скоро пахать, потом за ними стали гониться) (Карел.). В рамках общей модели выделяется подмодель «Быстро целенаправленно передвигаться – добиваться чьего-либо расположения». В исходном значении глагола **турять**: **ИЗ** «гоняться, бегать за кем-либо» (За бабами туряла [свинья], бабы от нее бегали) → **РЗ** «ухаживать» (Ведь мать-то еще молодая, из годов не вышла, она сама за мужиками туряет) (Ряз.) актуализирована сема преследования, которая вкупе с дополнительными семами «быстро, стремительно», «с целью догнать, достичь, обладать», дает основу для метафорического переноса, когда по образу физических действий человека моделируются процессы, относящиеся к сфере любовных (интимных) отношений.

Сема «незначительная скорость перемещения» включается в значение глаголов, называющих перемещение **ползком**, т.е. соприкасаясь с поверхностью всем телом. В **метафорической модели «Передвигаться ползком – вести себя униженно»** в качестве базового признака исходной семантической сферы, определяющего направленность метафорического образа, выступает признак «способа перемещения» в сочетании с ориентационным семантическим компонентом движение «внизу» по отношению к ориентиру человека (**елозить**: **ИЗ** «ползать, передвигаться ползком» (Смотрю, а в кустах кто-то елозит взад-вперед) → **РЗ** «ползать, пресмыкаться перед кем-либо» (Унизился, стал елозить перед ним) (Свердл.). Через физическое движение метафорически осмысливается поведение человека. При формировании метафорического образа на основе сферы-источника «движение ползком» могут актуализироваться и другие ассоциативные комплексы, о чем свидетельствует наличие в диалектном языке **метафорической модели «Ползать – искать что-либо»** (**елозить**: **ИЗ** «передвигаться ползком, ползать» (Да не пускай ты его по полу-то елозить, вить простудится) → **РЗ** «искать что-либо ошупью» (Зря елозишь на полу, рази в темноте-то найдешь спичку) (Мордов.). У человека чувства зрительного восприятия и тактильного ощущения тесно связаны.

На основе актуализации компонентов «направленность движения на объект», «каузация → побуждение к движению» формируются две **метафорические модели** для обозначения явлений социальной сферы: «**Тянуть, передвигать – определять социальную сферу жизни человека**», реализуется в ряде частных подмоделей «Тянуть, передвигать – воспитывать» (**вести**: **ИЗ** «перемещать, передвигать что-нибудь» (Плужили, напряжемся пять-шесть человек и ведем плуг) → **РЗ** «растить, воспитывать» (Отец плохо их ведет, мать ругает, им говорит не слушайте мать) (Карел.), где человек метафорически интерпретируется через его отношение к такому виду деятельности как воспитание подрастающего поколения, которая в обществе, также как и труд, воспринимается как одна из главных социальных ценностей, и «Затрудненное перемещение волоком – принуждение к совершению действия» (**волочить**: **ИЗ** «тащить по земле, иногда с трудом» → **РЗ** «вести сопротивляющегося приводу» (Яросл.), где метафорическое значение возникает на основе соотнесения имплицативной

семы исходного значения не с физическим признаком «медленно», а с его отражением в психической сфере – «без желания», «без необходимости». Образ движения **волоком** служит также сферой-источником метафорической характеристики воровства. Формируется **метафорическая модель «Перемещать волоком – совершать асоциальный поступок»** (*переть*: ИЗ «нести, тащить что-либо тяжелое, громоздкое» (А мама наладит, а я прут) → РЗ «красть, воровать» (Дом ихний сгорел, они вон какой дом настроили. Дочери инженерами работают, они с завода прут и все) (Верш.). Оценочный компонент результативного значения – неодобрительное, презрительное отношение к человеку, который, совершая низменные, неблагородные поступки, нарушает тем самым закон, установленный в обществе порядок вещей.

Глаголы, называющие движения природных объектов, выделяются в особую группу. При создании метафорических переносов значимым представляется сам образ того или иного природного явления, нежели направление движения или тип среды, где происходит перемещение природных объектов. В зависимости от того, какой дополнительный компонент соединяется с основным в исходном значении данных глагольных лексем, образуются разные метафорические модели. **Метафорическая модель «Природный процесс – физиологический процесс»** основана на актуализации образа движущихся предметов природы при создании различных физиологических процессов и состояний человека (*зацуривать*: ИЗ «начинать идти (о дожде)» (Хотела сено убирать, а дождь стал зацуривать) → РЗ «начать мочиться» (Ишь безумник – зацурил в углу! Надо проситься: ужу большей) (Смол.). При анализе видно, что такое природное явление, как дождь, который представляет процесс движения жидкости (в виде капель или струи) сверху вниз, ассоциируется с физиологическим процессом, происходящим в организме человека.

Образы природных процессов используются и при моделировании различных физических действий человека. **Метафорическая модель «Природный процесс – социальная деятельность человека»** выстраивается на актуализации общего образа протекания природного явления (*вихорить*: ИЗ «кружить ветром» (Когда из оболочка ветерок, листы и всякой начнет вихорить) → РЗ «сеять овес в решете» (Яросл.). При важности целостного образа протекания природного процесса в подмодели «Природное явление (сильный дождь) – интенсивное осуществление действия» значительное влияние на направленность метафорического осмысления оказывает сема интенсивности, отраженная и в производном метафорическом значении. Данная модель связана с отождествлением процессов на основе образа движения природных объектов при смене субъекта действия (*наполивать*: ИЗ «пролиться, пройти (об обильном дожде)» (Почто-то обходят нас тучи. Наполивало бы уж) → РЗ «сильно побить, поколотить» (Драгаться – а его-то уж наполивали) (Верш.). По мнению Л.И. Ермоленкиной, «корреляцию оценочных смыслов в исходном и результативном значениях акциональных метафор представляют исходная

телеологическая оценка, фиксирующая высокую эффективность сильных, быстрых, резких движений, действий, и отрицательная этическая оценка того, кто действует против другого», безнравственен по отношению к нему [Л.И. Ермоленкина, 2005].

При формировании ряда метафорических моделей значимым является **образ звучания**, сопровождающий перемещение предметов. На основе актуализации признаков звучания физических процессов моделируется образ человеческой речи, формируется **метафорическая модель «Издавать звуки при движении предметов – говорить определенным образом» (булькнуть (булькануть, бульнуть): ИЗ «с плеском упасть» (Бревно-то с падуна-то как булькнет в падь-то) → РЗ «сказать что-то неясно, невнятно и быстро; пробормотать что-нибудь» (Дедка слово бульканет да опять и молчит) (Карел.), брюкнуть: ИЗ «упасть, с плеском свалиться» (Ой, брюкнул в воду, скажут, да и не видно) → РЗ «сказать, произнести» (Брюкнул слово како-то не то, а она страсть как обиделась) (Карел.).** Данный тип звука связывается «с представлением о ненормативности, малоосмысленности, несодержательности, а иногда и неуместности. Такие акустические параметры, как быстрота и невнятность звучания, которые в некоторой степени оказываются здесь задействованными, делают уровень коммуникативной эффективности достаточно низким. А при оценке звучания этот фактор является важным» [Н.А. Мишанкина, 2002, с. 140]. Отмечено, что данная закономерность проявляется и в диалектной номинативной системе.

Заключение представляет собой обобщение результатов исследования. Последовательно анализируя метафорические варианты диалектных глагольных лексем, репрезентирующих движение в физических средах, удалось выявить характер восприятия перемещения и образы тех смысловых сфер, именование которых происходит на базе осознания движения. Выявление оценочного смысла, который присутствует в коннотативном компоненте метафорического значения, позволило определить отношение диалектоносителей к движению и показать значимые параметры при его восприятии.

Приложение содержит результаты компонентного анализа всего лексического материала, описываемого в диссертации.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях:

1. Надеина Л.В. Метафорические образы приставочных глаголов движения // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Вып. 5. – Ч. 2: Лингвистика. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. – С. 94-98.
2. Надеина Л.В. Глаголы колебательного движения в метафоре // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Сб. науч. трудов IV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Томск: Изд-во ТПУ, 2004. – С. 274-278.
3. Надеина Л.В. Проблемы метафорического моделирования этнокультурных концептов // Картина мира: язык, литература, культура. Сб. науч. статей /

Отв. ред. М.Г. Шкуропацкая. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2005. – С. 133-139.

4. Надеина Л.В. Семантика глаголов вращательного движения в диалектной метафоре // Материалы XLIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». – Новосибирск, 2005. – С. 6-8.

5. Надеина Л.В. Метафорические модели движения в русских народных говорах (на материале глаголов со значением движения в жидкой среде) // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск: Изд-во ТПУ, 2005. Ч. 2. – С. 130-135.

6. Надеина Л.В. Глаголы поступательного движения в зеркале русской народной метафоры // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: материалы II Всероссийской научной конференции, посвященной памяти проф. И.А. Воробьевой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – с. 161-168.

7. Надеина Л.В. Влияние семантики физической среды на создание метафорических образов глаголов движения // IX Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «наука и образование» (25-29 апреля 2005г.): Материалы конференции: в 6 т. Т. 2. Ч. 1: Филология. Актуальные проблемы современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. – С. 30-35.

8. Надеина Л.В. Семантика движения по твердой поверхности как база метафорического моделирования (на материале русских народных говоров) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Вып. 6. Часть 1: Лингвистика. Томск, ТГУ, 2005. С. 72-75.

9. Надеина Л.В. Метафора движения в диалектной речи // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека: Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею академика МАН ВШ, доктора филол. наук, проф. О.И. Блиновой / Отв. редактор – доктор филол. наук Т.А. Демешкина. – Томск: Томский гос. ун-т, 2006. – С. 258-264.

10. Надеина Л.В. Компонент «скорость» в организации семантической деривации глаголов движения (на материале русских народных говоров) // Актуальные проблемы современного словообразования: Труды Международной научной конференции (г. Кемерово, 1-3 июля 2005г.) – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 285-288.

11. Надеина Л.В. Образное осмысление движения в русском языке (на материале глаголов движения в русских народных говорах) // Известия Томского политехнического университета. Т. 309, № 5, 2006. – С. 217-222.